

Минаев Андрей Иванович

ВОСПРИЯТИЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Статья посвящена анализу восприятия британской политической культуры в России второй половины XVIII века. Автор обращает внимание на то, что отечественная общественно-политическая мысль указанного периода начинала осознавать "особенность" политической культуры Великобритании, обусловленную наличием развитого парламентского механизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 132-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу восприятия британской политической культуры в России второй половины XVIII века. Автор обращает внимание на то, что отечественная общественно-политическая мысль указанного периода начинала осознавать «особенность» политической культуры Великобритании, обусловленную наличием развитого парламентского механизма.

Ключевые слова и фразы: вторая половина XIII века; Россия; Великобритания; «законная монархия» Екатерины II; британский парламентаризм; политическая культура.

Андрей Иванович Минаев, д.и.н., доцент
*Кафедра всеобщей истории и международных отношений
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
aiminaev@mail.ryazan.ru*

**ВОСПРИЯТИЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА[©]**

Во второй половине XVIII в. в России наметился интерес к британской политической культуре, государственно-правовым институтам этой страны.

Екатерина II предприняла первые попытки создать правовую среду, в рамках которой взаимодействовали бы властные структуры. «Законная монархия» Екатерины II (по определению О. А. Омельченко) отнюдь не означала превращение ее в конституционную. Речь шла о правовом обеспечении абсолютизма, благодаря которому источником власти становилась не воля правителя, а закон, санкционирующий эту волю. Несомненно, реализуя свою внутривнутриполитическую программу, направленную на соединение монархического правления с правовым регулированием процессов в обществе и государстве, Екатерина II не могла не обратить внимания на британский парламентаризм и тем самым не стимулировать англофильские настроения.

Интерес к внутривнутриполитическим делам в Великобритании будущая российская императрица проявляла еще до восшествия на престол. Об этом красноречиво свидетельствует переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и посла сэра Чарльза Г. Уильямса, которая имела место в 1756-1757 гг.

В целях конспирации Екатерина писала свои письма к Ч. Г. Уильямсу от лица мужского пола, но сохранилось одно, с ее подписью, в котором она прямо говорит: «Я смотрю на английскую нацию как на ту, союз с которой самый естественный и самый полезный для России» [4, с. 339]. Екатерина, делая первые шаги на поприще реальной политики, допускала некоторую скоропалительность в своих суждениях. Однако, по нашему мнению, ее пристальное внимание к Великобритании уже в те годы неоспоримо, что свидетельствует о понимании того места, которое занимала эта страна в системе международных отношений. Ее неподдельный интерес вызывали внутривнутриполитическая жизнь Великобритании, та государственно-правовая система, «визитной карточкой» которой был британский парламент. «...Позвольте мне, - писала в декабре 1756 г. великая княгиня, - начать с поздравления вас ввиду высокой мудрости, которая царствует в речах вашего короля при открытии парламента. Я задолго ничего не читал, что меня столь поразило. Да хранит его Бог и да поможет его величеству. Столько же уважение, которое я имею к его личности, сколько расположение к вашей стране производит во мне это желание... Если вы здоровы и у вас есть время, сообщите мне, пожалуйста, о кризисах, которые бывают у вас. Дают ли перемены, которые совершились там, надежду на то, что все пойдет хорошо в наступающем году? Скажите мне несколько слов об этом господине Питте, противник во всем двору теперь во главе управления» [Там же, с. 304-305].

Весьма примечательным представляется последнее замечание великой княгини, в котором она демонстрирует свое удивление по поводу того, что лидер оппозиции в палате общин стал фактическим главой кабинета. Подобный уровень плюрализма в высшем эшелоне российского самодержавия был совершенно невозможен, что обуславливалось принципиальными отличиями в политической культуре обеих стран.

Взойдя на российский престол, Екатерина II продолжала живо интересоваться теорией и практикой британского парламентаризма. Речь не шла о возможном переносе государственно-правовых установлений Великобритании на отечественную почву. Британский внутривнутриполитический опыт, достижения правовой мысли этой страны содействовали формированию интеллектуального багажа императрицы, помогали выработать представления о перспективах развития российской государственности.

Екатерина II сама инициировала обращение отечественных интеллектуалов к политическим процессам, происходившим на «Туманном Альбионе». В начале XX в. в научный оборот был введен до того неизвестный ее труд «Выписки из шести томов Блэкстона, толкователя английских законов». В августе 1776 г. императрица писала своему агенту за границей барону Гримму, что уже в течение двух лет не разлучается с этим сочинением. «Я ничего не делаю из того, что у него в книге, - подчеркивала она, - но это для меня пряжа, которую я разматываю по-своему» [5, с. 169]. Внимание Екатерины II к труду профессора права в Оксфорде «Истолкование английских законов» вполне объяснимо. У. Блэкстон, раскрывая механизм функционирования британского парламентаризма, подчеркивал, что ключевым элементом этой сложной системы остается корона, которая обеспечивает эффективное взаимодействие властных структур всех уровней. Замечание, адресованное

Гриму, показывает, что Екатерина II не стремилась к плагиату многовекового опыта британского государственного строительства. В труде Блэкстона она нашла для себя мотивацию идеи приоритета права при сохранении прерогативы монарха, что было необходимо ей для конструирования правовой базы российского абсолютизма.

Если взгляд императрицы на британский парламентаризм был взглядом заинтересованного, но все же стороннего наблюдателя и аналитика, то княгиня Е. Р. Дашкова имела прекрасную возможность изучить эту политическую систему в непосредственной близости. В 1770-е гг. она несколько лет провела за границей. Довольно долго княгиня жила в Эдинбурге, где установила тесные связи с политическими, научными и литературными кругами шотландской столицы. Идеал политического устройства Е. Р. Дашкова нашла в Великобритании. В «Путешествии одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям», увидевшем свет в 1775 г., она писала: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их... превосходит все усиленные опыты других народов в подобных предприятиях» [6, с. 31].

Оригинальным мыслителем эпохи Екатерины II был С. Е. Десницкий. В 1761-1767 гг. он изучал юриспруденцию, естественные и гуманитарные науки в университете города Глазго и в 1767 г. получил от ученого совета этого университета степень доктора гражданского и церковного права. Годы обучения в Великобритании сделали С. Е. Десницкого поклонником британской политической и правовой системы, что не исключало критики им ее недостатков. «Удивительный и непостижимый ниже премудрейшим законодательством аглинским, - писал Десницкий в своих примечаниях к переводу труда У. Блэкстона, - примечается здесь обман, чинимый при выборе членов парламентских, а именно: провинциальный большой помещик, имеющий обширные в разных провинциях землевладения, может не только сам выбран быть, но с собою и других премногих по сердцу своему выбрать в члены парламентские, распродавши ложным образом во всех провинциях свои землевладения на сорок шиллингов, или на 10 руб., каждому желающему дать на него свой голос...» [3, с. 262-263].

С. Е. Десницкий, вслед за У. Блэкстоном и другими британскими юристами и политиками, отмечал, что парламент не является подлинным народным представительством по причине широкой возможности подкупа избирателей: «Сие-то самое злоупотребление разумет и г. Блэкстон, когда... жаелает совершеннейшего представления в парламенте народа аглинского» [Там же, с. 263].

Свою лепту в ознакомление соотечественников с особенностями британского парламентаризма внес и выдающийся отечественный просветитель Н. И. Новиков. Именно им был издан в Москве в 1780-1782 гг. осуществленный С. Е. Десницким русский перевод труда У. Блэкстона. Книга вышла под заголовком «Истолкование аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского».

С 1784 по 1806 гг. обязанности полномочного министра в Лондоне исполнял крупный русский дипломат, сторонник линии на активное сближение России и Великобритании С. Р. Воронцов. Страстный поклонник британской политической системы, он оставил свои рассуждения о механизме ее функционирования. В письме от 3 марта 1797 г. графу А. А. Безбородко, фактически руководившему с 1783 г. российской внешней политикой, обосновывая сохранение численности штата посольства в Лондоне, писал: «...Ваше сиятельство мне поверьте, когда я вас уверяю, что менее четырех человек при здешней канцелярии иметь не можно без остановки исправной службы. Здешняя миссия никак не похожа на прочие: ибо образ здешнего правления, совсем от других отличаясь; дела не идут как в других землях. Двор и министерство не могут ничего сделать без обеих камор Парламента, в коих всегда бывают разные фракции, а и Парламент не так независим в своих действиях, как думают те, кои не знают совершенно Англию: ибо Парламент сам весьма зависит от расположения мыслей нации, которая во всех важных делах весьма действует над поведением обеих камор» [2, с. 246]. Понятно стремление чиновника не допустить понижения статуса возглавляемого им учреждения за границей. Вместе с тем, мы, пожалуй впервые, обнаруживаем констатацию неразрывной связи парламента с общественным мнением страны, изучение которого является важнейшим условием успешного выполнения дипломатической миссии. «Для соображения всего, что делается, - писал С. Р. Воронцов, - и для предвидения, что впредь здесь сделано быть может, надобно неотменно читать и делать переводы и выписки из всех многочисленных ежедневных газет, журналов и брошюр, кои разные фракции в обеих каморах и в самой нации внутри земли каждый день обнаруживают, так что все четыре человека, при моей канцелярии находящиеся, непрерывно упражнены чтением...» [Там же]. Свои впечатления от общения с У. Питтом Младшим С. Р. Воронцов изложил в посвященной этому записке [1].

Порой ознакомление с политической действительностью, жизнью и традициями британцев приобретало весьма курьезный характер. Так, летом 1795 г. майор в отставке П. И. Макаров отправился в Лондон без знания английского языка, средств и рекомендательных писем и прошел пешком часть Англии. Этот «исследователь» оставил весьма ценные наблюдения. Его записки были опубликованы впервые в 1803 г. в журнале «Московский Меркурий», а на следующий год в «Вестнике Европы». «Хозяин мой человек приятный, - писал П. И. Макаров. - ...Хотя Г. Перкс мало похож на обыкновенного Англичанина, однако же держит сторону *оппозиции*, и вопиет на Правительство. Правду сказать, лишнее было бы требовать от Англичанина в этом случае равнодушия: здесь политика такая заразительная болезнь, что даже иностранцы, приехавшие сюда, тотчас ею занемогают» [6, с. 133].

По сути рядового россиянина поразил характер взаимоотношений между частным лицом и британским государством, которые самым выгодным образом отличались от российской действительности. Правоспособность британского подданного, и даже иностранца на территории королевства, не шла ни в какое сравнение с беззащитностью россиянина перед всевластием «родной» бюрократии. «Здесь, - писал П. И. Макаров, - Правительство гораздо учтивее частных людей: оно принимает всякого иностранца *как гостя, как доброго человека*; не делает ему никаких допросов, не оскорбляет его никаким подозрением. Приехавший в Англию

должен явить свой паспорт один раз в Портовом городе, после чего он может объехать все Государство, и прожить в нем десять или двадцать лет под именем, каким хочет. У ворот Лондонских никого не останавливают, не спрашивают; трактирщики и вообще хозяева отдаточных комнат не любопытствуют знать, кто платит им за квартиру. Эта нежность Правительства, и еще в такое время, когда Государство должно остерегаться шпионства и возмущений, делает честь Лондонской полиции; боятся только *слабые*» [Там же, с. 138].

Вышеизложенное позволяет заключить, что во второй половине XVIII в. в отечественной общественной мысли зарождалось понимание специфики политической культуры Великобритании, уникальности ее парламентских традиций. При этом в России на парламент смотрели, как на результат длительной эволюции всей британской государственно-правовой системы. Поскольку отечественная феодально-абсолютистская государственность не претерпевала столь глубоких изменений, институты парламентаризма воспринимались как инородные, непригодные для российских социально-политических условий второй половины XVIII в. Вместе с тем, британская правовая культура, стоявшая на страже важнейших государственных устоев, импонировала Екатерине II и ее современникам, являлась одним из факторов, формировавших систему их представлений о праве и государстве.

Список литературы

1. **Воронцов С. Р.** Записка графа С. Р. Воронцова о жизни и деятельности английского министра Пита Младшего // Архив князя Воронцова. М.: Типография П. Лебедева, 1880. Кн. XV. С. 453-480.
2. **Воронцов С. Р.** Письма графа к графу А. А. Безбородко // Архив князя Воронцова. М.: Типография П. Лебедева, 1880. Кн. XVI. С. 169-252.
3. **Десницкий С. Е.** Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкование английских законов» // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. Вторая половина XVIII века. М.: Юрид. лит., 1959. С. 259-264.
4. **Екатерина II.** Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. М.: Издание Императ. об-ва истории и древностей Российских при Московском университете, 1909. XXXII+360 с.
5. **Кологривов С. Н.** Новонайденный труд Екатерины Великой // Русский архив. 1908. № 6. С. 169-177.
6. **«Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646-1945** / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николукин. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.

PERCEPTION OF BRITISH POLITICAL CULTURE IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVIIITH CENTURY

Andrei Ivanovich Minaev, Doctor in History, Associate Professor
Department of General History and International Relations
Ryazan' State University named after S. A. Esenin
aiminaev@mail.ryazan.ru

The author analyzes the perception of British political culture in Russia in the second half of the XVIIIth century, and pays attention to the fact that native social-political thought during this period began to realize the “feature” of the political culture in Great Britain conditioned by the presence of developed parliamentary mechanism.

Key words and phrases: the second half of the XVIIIth century; Russia; Great Britain; “legitimate monarchy” of Catherine II; British parliamentary system; political culture.

УДК 006.90+947

Исторические науки и археология

Статья посвящена просветительской и идейно-воспитательной работе музеев Рязанского края на сельских территориях в 30-70-е гг. XX века. Автор раскрывает особенности взаимодействия музеев с предприятиями сельского хозяйства, а также роль и место музеев в пропаганде революционных завоеваний и достижений социалистического строительства, в привлечении сельской молодежи к краеведческой работе.

Ключевые слова и фразы: музеи Рязанского края; сельское хозяйство; культурно-просветительная работа; экспозиционно-выставочная работа.

Ольга Михайловна Молоткова

Кафедра истории России

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

molly-song@mail.ru

РОЛЬ И МЕСТО МУЗЕЕВ РЯЗАНСКОГО КРАЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В 30-70-Е ГГ. XX ВЕКА[©]

Опыт работы музеев Рязанского края в 30-70-е гг. XX века мало изучен и представляет несомненный интерес как с точки зрения исследования различных сторон музейной деятельности в регионе, так и с позиции изучения особенностей культурно-просветительной политики советской власти.